

РАИСА БОРОВИКОВА

Небо Михаила Пташук

Раиса Боровикова и Михаил Пташук

В этом году, 28 января, ему исполнилось бы семьдесят лет! Для творческого человека, Художника — это еще не возраст. Творчество не имеет возрастных границ, но его судьба распорядилась иначе... Он ушел из жизни: трагически погиб в автомобильной катастрофе в Москве 26 апреля 2002 года. Народный писатель Беларуси Иван Петрович Шамякин писал тогда в своих воспоминаниях о нем: «...Неожиданная, нелепая, трагическая смерть Михаила Николаевича глубоко поразила, ошеломила, огорчила меня. Да разве меня одного! Всех, кто его знал, кто смотрел его фильмы. Смерть каждого человека — утрата для общества. Смерть человека, которому Бог дал талант, — национальная трагедия.» Да, конечно же... национальная трагедия! Из множества фильмов, которые он снял, три по выдающимся произведениям классиков белорусской литературы: «Возьму твою боль» по роману Ивана Шамякина, «Черный замок Ольшанский» по роману Владимира

Короткевича и «Знак беды» по повести Василя Быкова.

«Знак беды» Михаил Пташук всегда считал своим лучшим фильмом. Очень трогательно и очень точно о великом белорусском кинорежиссере написала в книге «Михаил Пташук» народная артистка России Нина Русланова, которая в фильме великолепно сыграла Степаниду: «...Пташук — удивительная фамилия, когда не знаешь человека, который ее носит, или уже носил, или будет еще носить. ПТА (ПТАХ) — в древнеегипетской мифологии покровитель искусств, ремесел, создатель всего сущего... Пташук Миша был и создателем и покровителем». Несомненно... Конечно же, и создатель, и покровитель. Но лично для меня Михаил Николаевич Пташук долгие годы был еще и очень близким другом... Я и пишу о нем в основном как о друге.

Ранняя осень 1970 года. Стою на крыльце общежития Литературного института имени М. Горького в Москве, студенткой которого была в то время. Вдруг сзади простодушный, веселый голос: «Ну и откуда же такая в белых джинсах? Случайно не из Белоруссии?» Оборачиваюсь, вижу высокого широкоплечего парня с копной волос цвета переспелой ржи, широкоую, очень располагающую к

общению улыбку на лице, и так же весело отвечаю: «Ну в самую точку попал! Из Белоруссии!» Парень тут же необыкновенно оживляется, зеленые глаза заиграли: «Так и я же из Белоруссии! Ты откуда именно?» — «Из Брестской области». — «Так и я же оттуда! Из Ляховичского района! Может, слышала, деревня Федюки там есть?» Про деревню Федюки, к сожалению, я в то время ничего не слышала, но те первые слова нашего знакомства с Мишей Пташук (тогда слушателем Высших режиссерских курсов при Госкино СССР) стали очень долгим нашим разговором, который продолжался чуть ли не в полжизни, до того трагического апреля 2002 года...

Тогда же, в том далеком семидесятом, но уже где-то ближе к зиме, Миша познакомил меня со своей женой: Лилией Михайловной Пташук — тоненькая, высокая, да еще и с высокой прической. В ней сразу же чувствовался характер, о котором образно можно сказать: крепкий орешек. Человеческая молва творческим натурам нередко приписывает множество романтических увлечений и приключений... По большому счету, Миша всегда был мужчиной одной женщины — своей жены, которую всю жизнь неистово, со всей пташуканской энергией ревновал. У нее была такая же ревность, и это каким-то образом уравнивало их отношения друг с другом, придавало особенную гармонию их любви. Пташук часто очень трогательно называл Лилю «моя Маруся». Думаю, что это он взял из фильма «Не горюй!» Георгия Данелии (которого считал своим Наставником), где звучала очень нежная песня: «Мыла Марусенька белые ножки...»

Но вернусь к Михаилу Николаевичу как к другу... Есть много удивительных, чудесных моментов в долгой дружбе двух женщин, но их еще больше, когда начинают дружить мужчина и женщина. Да, именно дружить! Уже после трагического ухода Миши, у себя на письменном столе нашла с десяток страниц короткого интервью, которое спешно по телефону брала у него для женского журнала ко Дню Матери: «Меня растили две женщины: мать и бабушка — Мария Семеновна и Елизавета Романовна. Они все время плакали, были в безумной работе... Такое ощущение, что я вырос среди слез. Глаза видели только слезы, а уши слышали только плач!» Возможно, отсюда, с самого начала в нем жило глубокое понимание женского характера, женской души, тем более, что и потом всегда рядом были две прекрасные, родные, самые близкие женщины: Лилия Михайловна и их дочь Лика.

Мне, выросшей с двумя младшими братьями (я была старшей в семье), хотелось видеть в нем того самого покровителя, о котором писала Русланова, иными словами, ведущего по жизни, вроде как старшего брата. Миша в общем-то и был им...

Когда в конце семидесятых я получила от Союза писателей очень маленькую, но трехкомнатную квартирку, практически в центре Минска, сразу же позвонила Пташук, дескать, приедь, посмотри, что ты скажешь? Может, подождать что-то лучшее? Миша приехал, посмотрел и набросился на меня: «Ты с ума сошла! Какое лучшее?! Тебе просто повезло! Это же — центр и три комнаты!» Потом он перевозил всю мою библиотеку, посуду, небольшую мебель на своих темно-салатовых жигулях. Это была его первая машина, и он только-только учился водить ее, тогда так и сказал: «Заодно, я еще и поучусь...» Во время того «перевоза» был момент, в котором, возможно, уже тогда был заложен какой-то тайный знак. Мы остановились на красный свет, рядом резко затормозил огромный грузовик, под завязку нагруженный тарой: порожними довольно большими картонными коробками. Как только водитель этого грузовика тормознул, прямо на нас сразу же с него свалилось несколько коробок... Миша тут же отъехал на обочину, посмотреть не повреждена ли машина. Тогда я просто испугалась, сейчас бы сказала: это предупреждение — Мише надо остерегаться автомобиля.

С машиной связан еще один момент, но это уже были восьмидесятые годы. Пташук купил себе новую машину, черную «Волгу» и сам гнал ее прямо из Горького, с завода... Через какое-то время звоню ему: «Ну что, пригнал?» Слышу в ответ: «Да, и уже отдал в ремонт!» «А что случилось?» — спрашиваю. Миша

рассмеялся: «Представляешь, пока я машину гнал, из нее по дороге какие-то детали повывлетали!» Может, это опять было какое-то предостережение? Но жизнь идет, крутит, вертит, увлекает человека, и ни о каких предостережениях он не думает...

А однажды он позвонил мне из киностудии: «Завтра утром заеду к тебе, будем репетировать!» Я прямо испугалась: что репетировать? Может, роль какую хочет предложить, так у меня же не те способности! Оказывается, он услышал по радио литературную передачу, в которой я читала свои стихи, и сразу же определил, что я их читаю из рук вон плохо, совсем не так, как нужно: не умею держать паузу, беру не те интонации, зачем-то включаю пафос, когда это любовная лирика, где иногда уместнее переходить на полусшепот...

На следующий день он действительно приехал и сразу же попросил книгу моих стихов, начал показывать, как надо читать... Это был самый настоящий урок художественного чтения от Михаила Пташука, который, кстати, и в моей личной жизни сыграл определенную роль. В самом начале восьмидесятых я сказала ему, что выхожу замуж. «Как!? — воскликнул Миша. — Ты уже согласилась? Я должен посмотреть на него, ты же можешь ошибиться. Замуж — это же на всю жизнь!» И мне пришлось устраивать смотрины моего будущего мужа, который, как только увидел в открытую дверь незнакомого мужчину, сидящего в кресле, сразу же сбежал... «Да не расстраивайся, — начал успокаивать меня тогда Пташук. — Не дрейфь, Боровикова. Он скоро вернется, вот увидишь. Я это успел прочитать на его лице». Потом уже через какое-то время они с моим мужем очень подружились, и у нас началась дружба семьями.

В конце уже упомянутого выше интервью с Мишей Пташуком была приписка: народный артист Республики Беларусь, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств, лауреат премии Ленинского комсомола, обладатель 14 наград на Международных кинофестивалях, член жюри Международных кинофестивалей... И за всем этим стоят фильмы, фильмы — большое кино Михаила Пташука. Дело, конечно же, не в званиях и не в наградах, а в том, какой в итоге короткой оказывается человеческая жизнь, когда невольно появляются вопросы: «И как же это?! Когда все это он успел?!» Да, несомненно, все успел сделать его талант — глубокий, природный, самобытный, какой-то стремительно необузданный. По большому счету, Миша был самородком. Да и человеком он был таким же, с натурой стремительно-необузданной. Словно предчувствовал, словно знал, словно видел предел, который вырисовывался со взлета. Да... он ушел с высокого крыла, как птица, которая поднимается высоко-высоко в своем последнем полете, чтобы потом упасть... Но птица падает, когда уже нет надежды, а у Миши было много надежд впереди, так явственно высвечивались исключительно новые горизонты. Как творец, как творческая личность, он всегда жил какой-то головокружительной идеей, и многое, очень многое из этих идей осуществлялось. И все — на горении, на страсти. Без последнего нельзя быть художником. У него была особая энергия...

1973 год. Телефонный звонок: «Боровикова, привет! Я — в Минске, на «Беларусьфильме». Вроде бы и не было паузы в разговоре нашей жизни длиной в два года (1971 — 1972), когда Миша снимал в Одессе свой фильм «Про Витю, про Машу и морскую пехоту». Тут, в Минске, его ждал киносценарий будущей ленты «Лесные качели». А потом была тема войны... от фильма к фильму. Он все время возвращался в то свое далекое прошлое, которое-то и помнить должен был смутно. Но он помнил. «Меня преследует всю жизнь одна сцена детства. Хочу снять в кино, и не получается. В хате стоят три гроба: отец и два близнеца-брата. И я краду их с маленьких гробиков, пробую тянуть в сад, поиграть с ними... И мать всю жизнь мне про это рассказывала: «Ты не верил, что они умерли...» И слезы матери. Мать! Всю жизнь снимаю свою хату. Любую декорацию строю как свой деревенский дом. Мать — это Быковская Степанида из «Знака беды»... Немцы гнали на работу, и ей на живот наступила лошадь. Родились два близнеца, которые через семь дней умерли...»

Михаил Пташук на съемках фильма «Знак беды»

Вот так рассказывал мне Миша о своих первых детских воспоминаниях. А потом была школа в Барановичах. Детство и ранняя юность прошли в деревне Федюки на Брестчине, в Ляховичском районе. «Наша деревня была очень театральная. Я вырос, можно сказать, на сцене. У нас всю жизнь играли купаловскую «Павлинку» на фэстах на Семуху, а потом на 7 Ноября, на 1 Мая... С детства ходил в драмкружок. Мать моя была очень тихая, застенчивая, никого не могла обидеть и была очень одинокой, из-за меня не хотела выходить замуж. Была бы очень талантливой актрисой. Собиралась родня, и она не могла усидеть за столом... Все говорили: «Маня, покажи того или другого человека...» Иными словами, изобрази его. Органика была фантастическая!» — это тоже из Мишинных рассказов. И у него самого, как и у матери, которая большую часть своей жизни проработала в колхозе звеньевой по льну, была органика фантастическая и еще воображение. Он видел какое-то свое кино, пробовал про него рассказывать, что-то такое вырисовывал и потом уже под все это искал сценарий... Часто находил это в белорусской литературе, отсюда и «Возьму твою боль» по Ивану Шамякину, и «Знак беды» по Василю Быкову, и «Черный замок Ольшанский» по Владимиру Короткевичу.

Однажды он вспомнил о Владимире Короткевиче. Я это с его слов записала и опубликовала как интервью еще в 2000 году в журнале «Алеся». «...После премьеры «Черного замка Ольшанского» в минском кинотеатре «Киев» я подвозил его домой. В какой-то момент он попросил остановиться, и тот наш очень искренний разговор я запомнил на всю жизнь. У Короткевича были плохие предчувствия, его все чаще и чаще подводило здоровье... А в общем, говорили о Беларуси. Он настойчиво убеждал меня, что нужно заниматься только своими родными истоками, что, только работая со своим национальным материалом, творец в Беларуси может сделать что-то значительное. Говорил он и о себе, о том, что очень часто люди говорили ему одно, а делали совсем другое. Думаю, что Короткевич был очень одиноким... Как будто ироничный, способный на острую,

точную шутку, но за этим всем стоял человек большой грусти. Он каким-то образом выпадал из своего времени, был исключительно чужим и непонятным той эпохе, той коммунистической системе. Полный душевного романтизма еще с шестидесятых, очень быстро эмигрировал сам в себя, потому что после короткой хрущевской оттепели начиналась драма времени... А он опережал то время, отрываясь все выше и выше, блуждая в своих временах, и... остался раненой птицей, которая должна была лететь на долгую дистанцию и на очень большой высоте. Высота осталась. Она, однозначно, в слове — классик, любимый и неповторимый!»

После трагического дня, когда Миши не стало, эти слова каким-то образом накладываются и на него самого. Такой огромный, жизнерадостный, со всегда готовой шуткой, он носил в себе какую-то свою грусть, свою боль. Это особенно чувствовалось во второй половине девяностых — когда какое-то время Мише пришлось быть в простое... Он, как и Владимир Короткевич, всегда считал, что наше будущее — в наших корнях... Вот строчки из воспоминаний о Пташке одного из его учеников, Жени Сетько: «...За рубежом нас не очень хорошо знают, — говорил Михаил Николаевич, — нас путают с русскими. И многие белорусы заблуждаются, отвергая свое прошлое и подчиняя свою жизнь каким-то абстрактным идеям. Наше будущее — это наши корни. Это то, что дала нам жизнь. И мы обязаны любить эти корни, чтить их и, конечно же, воспевать». После фильмов о войне, после «Черного замка Ольшанского» Миша страстно загорелся нашей глубокой историей... Но ничего не получалось с запуском «Витовта» — исторического фильма про князя Великого Княжества Литовского Витовта, над сценарием которого он работал вместе с Алексеем Дударевым. Как ему хотелось снять этот фильм! Но все упиралось в какую-то невидимую стену, объяснение которой — финансовые трудности. И оставалось одно сожаление, нужно было искать и браться за что-то другое. Бывало, какая-то щелочка приоткрывалась, тогда мог позвонить возбужденный Миша: «Давай встретимся, есть идея, может получится! Попробуй написать мне заявку кинокомедии для одной турецкой киностудии!» И писалась заявка, мы часами обговаривали сюжет, придумывали невероятно смешные сцены, но в итоге и тут ничего не получилось. А потом как-то (это был, кажется, 1998 год) Миша вернулся из Ташкента, с Международного кинофестиваля, позвонил мне: «Боровикова, очень даже может получиться... Я тут познакомился с кинорежиссером из Бомбея, у него там своя киностудия... Что-то такое почти предложил... Давай рискнем, напишем сценарий... Я поставлю одну серию здесь у нас, в Беларуси, а вторую — у него в Индии». И стали мы с Мишей писать сценарий двухсерийного фильма о любви молодого индуса и белорусской девушки. Мне пришлось взять отпуск, он, как правило, утром приезжал к нам домой, мы бурно обговаривали ту или иную сцену... Миша тут же проигрывал ее, случалось в разных вариантах, что затягивалось на полдня... Потом он уезжал, а я садилась за пишущую машинку... Работали больше месяца без продыху, даже муж мой проникся особым расположением и то и дело заваривал и приносил нам кофе... Когда приступали ко второй серии, несколько дней штудировали самые разные книги: вникали в историю, культуру Индии, изучали быт, народные традиции, природу этой далекой от нас страны. И вот сценарий готов... Миша нашел переводчика, который быстро перевел его на английский язык, отослал в Бомбей и... опять финансовые трудности. Индийская сторона была согласна частично профинансировать только вторую серию. Единственное, в газете «Культура» появился материал о нашем проекте с фотографией, где Миша в чалме, как заклинатель змей, а я — в очаровательном сари с капелькой на лбу.

А потом в нем опять каким-то образом отозвалась война, и он загорелся идеей снять «В августе 44-го...» по роману российского писателя Владимира Богомолова «Момент истины». Очень жалею, что по разным обстоятельствам тогда не смогла вырваться на съемки этого фильма, хотя несколько раз дого-

варивались, что я подъеду, чтобы написать о съемках в какое-нибудь издание. Миша настолько был увлечен работой, что и забывал о наших договоренностях, и не обижался. О том периоде охотно писали другие. Сразу же после «В августе 44-го...» Пташук приступил к новой работе, к съемкам фильма «Песня Розы». У него, как никогда раньше, начиналась новая необыкновенно интенсивная жизнь. С одной стороны — поездки на различные кинофестивали, показ фильма «В августе 44-го...», с другой — съемки и новые проекты... Собранный, он словно бы спешил жить, словно бы что-то восполнял увлеченно, с азартом. Он вообще был необыкновенно эмоциональным, увлеченным человеком, не любил говорить о трудностях. Однажды во время разговора о матери, Марии Семеновне, которую Миша в последние годы ее жизни забрал к себе из деревни, и они с женой не один год ухаживали за ней, он сказал: «Она научила меня главному — терпению. Это я говорю и дочери: «Надо работать и терпеть, тогда все придет... Если Бог тебе дал, то все, что положено свыше, будет твоим, ничего никуда не уйдет, только надо дожидаться. У нас в семье все терпели, исключительно крестьянская психология. Она очень верная для нашего времени».

Да, Миша умел терпеть и никогда ни при каких обстоятельствах не падал духом. Жизнь вдыхала в него что-то крылатое, и он словно бы выдыхал простор. При нем становилось свободно и легко: много света, много мыслей, самого воздуха много. Очень многие люди, которые тем или иным образом соприкасались с ним, всегда отмечали его особую энергетику, как будто бы в нем жил сплав самых разных энергий, земных и неземных. Как-то недавно в одном из разговоров его жена Лиля Михайловна мне сказала: «Ты знаешь, на сороковой день после Мишиной смерти у нас в доме искрили все розетки, ничего не могли включить — сразу же искры... Может, так с нами уже окончательно просталась Мишина душа?» В это можно поверить, зная Мишу. «Никакая, даже самая буйная фантазия не способна представить Михася Пташука хотя бы на короткий миг успокоенным, созерцающим, расслабленным, безразличным или просто удовлетворенным» — это слова Алексея Дударева о Пташуке. Да, у него была особенная, как теперь модно говорить, аура. И каким же удивительным он был собеседником! Где-то приходилось читать, что художники, в общем-то, делятся на два типа: одни ищут славы, успеха, постоянно мучаются из-за этого, к другим же, наоборот, слава и успех льнут сами. Они не прилагают к этому никаких усилий. Миша, безусловно же, принадлежал к другому типу. Он работал. Все остальное его вроде бы и не интересовало, но почти всегда приходил успех. Ничто не оставалось незамеченным, неотмеченным. Награды так или иначе догоняли его. Тут срабатывал единственный принцип: да воздастся! Таланту, терпению, работе... Он полностью уходил в нее, исчезал, растворялся. Необыкновенно ценил талант в людях и страстно, искренне радовался, когда приходилось работать с большими талантами.

Странно, но я до мелочей могу вспомнить за эти более чем тридцать лет множество наших встреч и разговоров, в последние пять-десять лет чуть ли не каждую неделю, а вот последний разговор, как ни будь, вспоминается очень смутно. Миша даже не сказал, что они с женой едут в Москву, где в отдельных номинациях фильм «В августе 44-го...» выдвинут на «Нику». Хотя говорили очень долго. Он рассказывал о впечатлениях от Америки, откуда только-только вернулся, о своих новых проектах; это был уверенный взгляд в какую-то новую даль... У меня тоже было чем поделиться: как раз в это время мне предложили возглавить журнал «Малодосць», и у меня было много сомнений. Мне нужен был совет, что делать, как быть? Согласиться или отказаться? Описала ему ситуацию, и Миша сказал однозначно: «Соглашайся. Свято место пустым не бывает, так почему бы тебе не пойти? Только стоящего заместителя возьми, талантливого и обязательно единомышленника, чтобы не было, как в басне у Крылова: кто-то — в облака, а кто-то в реку...» Был обычный разговор, и мне совершенно не помнятся интонации его голоса, а, возможно, именно за ними пряталось какое-то

его предчувствие. Он был тонким человеком, думаю, не однажды делал так, как подсказывала интуиция. А тут... не уберется! Не увидел, не услышал какого-то тайного знака. Рок? Судьба? Пташук, как и я, очень дружен был с драматургом Еленой Поповой. И вот она не раз вспоминала, как еще во время учебы на Высших режиссерских курсах Мише кто-то нагадал по руке, что у него короткая линия жизни. Тогда, в ту минуту он заперезживал, а потом, возможно, об этом не однажды думал... Мысли могут материализоваться. Не получилось ли, что невольно он сам себе напроорочил свой уход? Как у русского поэта Николая Рубцова, который написал в одном стихотворении: «...Я умру в Крещенские морозы», и именно в эти морозы через какое-то время и умер...

Мишина жизнь оборвалась на самом пике нового, очередного творческого взлета, у него появилось много интересных проектов, и в принципе, каждый из них был осуществим, и тут как понять судьбу? Кажется, это была суббота, 27 апреля, выходной день. Где-то перед обедом мне позвонил встревоженный Алексей Дударев: «Ну, ты уже слышала про Мишу... Это правда?» «Что правда?» — переспрашиваю. И Дударев не смог сказать «эту правду»: в такое трудно было поверить. «Ты кому-нибудь позвони, спроси, потом мне перезвонишь...» И я сразу же набрала телефон Пташук, услышала Мишин голос, записанный на автоответчик... Потом позвонила жене одного кинорежиссера, который, как оказалось, в это время был в Москве в командировке. Он ей звонил, рассказал о случившемся. И все равно не верилось, пока в Минск не вернулась Лиля и не привезла Мишу...

Время многое затягивает своим пологом. Вот и Миша Пташук чаще всего уже видится откуда-то издалека, но иногда так явственно приближается, словно хочет что-то сказать, пока известное только ему... Предостеречь? Успокоить? Или просто поделиться своей неумемной энергией уже оттуда, с небес? Живое лицо, живой взгляд, играющие улыбкой глаза... Вот и его Лиля, которую до сих пор все никак не могу назвать вдовой, в одном из наших недавних разговоров сказала: «Ты знаешь, прямо мистика какая-то... Прихожу на кладбище, смотрю на памятник... Он улыбается с портрета, а чуть отойду, он уже хмурится взглядом, а с другой стороны взгляну: глаза печальные-печальные... Ну живое лицо!» Да... живое! Это память сердца, оно видит людей всегда живыми. Иногда я невольно ловлю себя на мысли, что мне очень хочется однажды вместе с Лилией Михайловной поехать в Ляховичский район, в ту самую деревню Федюки, где когда-то давно, конечно же босоногий, бегал маленький рыжеволосый мальчик Миша... Хочется посмотреть в небо над Федюками... Не знаю, как федюковцы, но я уверена, что в этом небе зажглась и неизменно горит самая яркая звезда современного белорусского кинематографа, имя которой — Михаил Пташук — большой белорусский кинорежиссер, великий Мастер, народный артист Беларуси, а что лично до меня, — так еще и милый друг, который навсегда остался в сердце...

*Фото Александра ДМИТРИЕВА
и из личного архива Раисы БОРОВИКОВОЙ.*

Воспоминания от обратного

Мы закончили разговаривать. Я выключила диктофон. А Андрей Голубев еще несколько раз повторил: «Как бы это так сделать, чтобы получилось от обратного. Как он учил. Чтобы это было действительно про него?» «От обратного» вышло само собой. В обратную сторону. Не сначала, а с конца.

Это воспоминания учеников Михаила Пташука о своем учителе. Монологи о том, каким он запомнился четверем из семи его студентов. О последних годах жизни режиссера. О том самом единственном пташуковском курсе, где учились Андрей Голубев, Людмила Дубровская, Александр Кананович, Дмитрий Лось, Евгений Сетько, Денис Скворцов, Максим Субботин. О том, чему научил их дядя Миша и как им живется и работается без него...

Елена Мальчевская

Андрей ГОЛУБЕВ. Монолог о человеке, который сгреб в охапку

Я пришел на курс, когда мне было 27 лет. История была немножко комичная. Пташук тогда запускался с фильмом «В августе 44-го...» Работа только началась, и Михаил Николаевич беседовал с актерами. У него в кабинете сидели Алексей Петренко и Евгений Миронов. А я был одним из каскадеров. И тут я от кого-то узнаю, что Пташук в начале лета будет набирать курс в Академии искусств. У меня к тому моменту был уже 11-летний опыт работы в кино: были роли, хорошая практика с хорошими режиссерами. Я пришел к нему в кабинет (там как раз Петренко с Мироновым), Пташук меня узнал. «Михаил Николаевич, я кроме того, что буду работать у вас каскадером, очень хотел бы попытаться поступить к вам на курс». Он спрашивает: «А сколько тебе лет?» Я ответил. Не буду говорить, что он сказал, но смысл сводился к тому, что я уже старый. Все посмеялись, и мне пришлось выйти из кабинета. Вышел, зашел в курилку, походил-походил. И подумал: «Неужели в жизни все так просто?! Зашел, сказали, что старый — и уже конец карьеры, конец мечтам...» А я тогда писал: рассказы, истории какие-то. У меня не было портфолио, но были сценарии, которые я в будущем хотел бы запустить. Я походил-походил, потом думаю: зайду еще раз. И уже был немножко наглее. Михаил Николаевич сказал: «Показывай, что ты там пишешь». А потом я поступал на общих основаниях. Но уже тогда, наверное, он выбрал меня, потому что я показал характер, настойчивость.

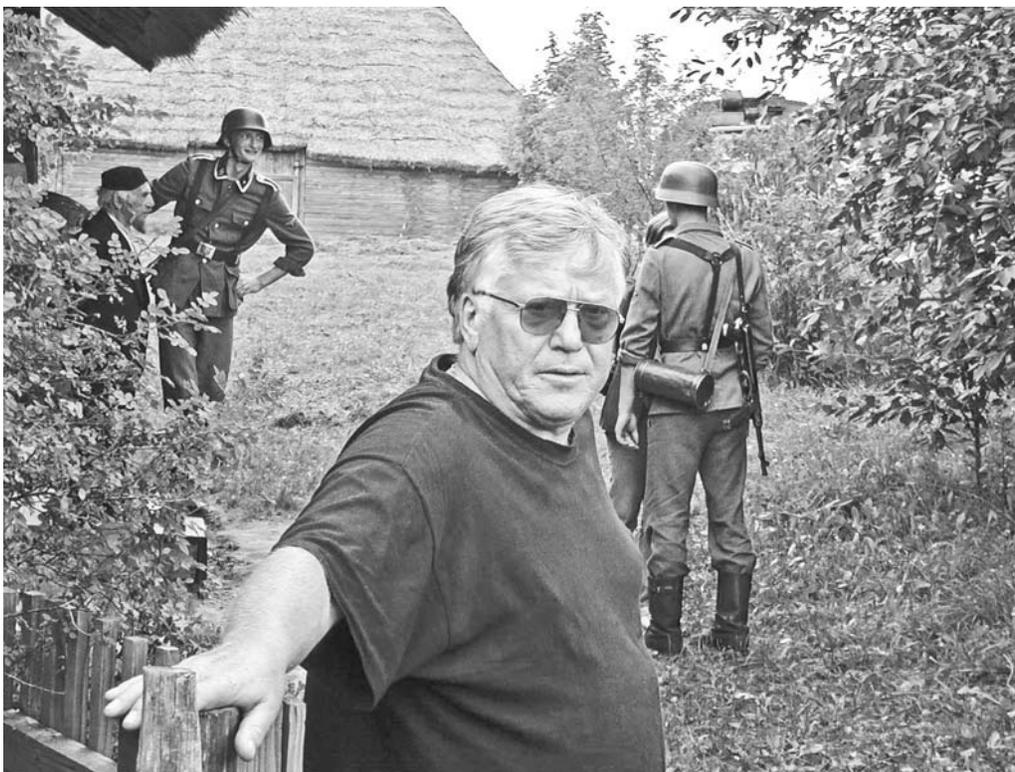
Мне кажется, Михаил Николаевич сделал выбор задолго до экзамена. У нас были консультации, которые превращались в разговоры за жизнь. Вот тогда он и выбрал себе тех людей, с которыми ему нужно идти в бой. На первой паре он сказал, что занятия у нас будут необычными. Мы не будем вести конспектов, мы не будем ничего записывать, потому что записывать нечего. Мы будем только снимать кино, смотреть кино, делать кино. Не знаю, как у кого, но у меня ни одной записи не сохранилось. А еще на первом же занятии Пташук сказал мне, что я буду старостой, потому что я самый старший. Я уже был женат, мне нужно было кормить семью, а тут нужно ходить на все занятия, потому что я староста (конечно, выручали съемки, меня часто снимали как каскадера и как актера).

Когда я слышу «мастер», это мне напоминает Булгакова. Я бы не говорил мастер, я бы сказал учитель. Михаил Николаевич заменил нам родителей. Нет, нельзя сказать «заменял»... Слово «родители» можно разделить на два корня: роди тело. Родители рожают тело. А учитель способен указать тебе путь. Для мужчины самое главное — это найти себя. Я себя, благодаря Михаилу Николаевичу, нашел. Думаю, что учиться нужно у человека, который одержим, который тебя сгребает в охапку — и ты у него в этой охапке.

На втором курсе я уже задумал снимать на пленку. Мне всегда хотелось быть впереди всех (спортивный азарт, максимализм, который мне всю жизнь мешал). И все уже сдали сценарии на новые короткометражки, а я никак не мог утвердиться. Я написал их, наверное, 12 или 13 — и все не то. А Михаил Николаевич эти работы даже не читал. Ты приходишь к нему со сценарием, а он на него сверху руку положит (у Пташука руки большие были), глянет и спрашивает: «Про что история?» Я рассказываю: «Мальчик и девочка, они общались, потом он уехал на войну, она встречалась с другим...» Он говорит: «В письме бабушке напишешь (это было его любимое выражение — *А. Г.*). Плохо. Что еще?» Я отвечаю: «Пока ничего». Он говорит: «Пиши». И так 13 раз! Потом, когда я в последний раз к нему пришел, уставший, с кругами под глазами (не спишь же — пишешь), он так тоже руку положил: «Про что история?» Я рассказываю: «Про то, как отец убивает своего сына». Михаил Николаевич спрашивает: «Иван Грозный?» «Нет, — говорю, — современная история». И он: «Вот это интересно». Взял и прочитал. Он всегда ценил время. Не умел идти на компромиссы. Мне в какой-то момент стало так обидно: я написал 13 сценариев, а он не объясняет, где, почему плохо. Настолько была жесткая школа — ты должен был ломать-ломать-ломать себя и, наконец-таки, сломать. На одном из первых занятий Михаил Николаевич сказал: «Нужно, в первую очередь, себе самому ответить: зачем ты хочешь это снять?» И если все режиссеры были бы честными, то у нас все хорошо с кино было бы...

Мы прозвали его Дядя Миша (ему это нравилось). А в Академии его называли бронепоездом или самолетом, потому что Пташука сначала было слышно, а потом видно: идет, поздороваётся, кого-то по плечу хлопнет — его бас подхватывало эхо Академии. Вообще, атмосфера у нас на курсе была домашняя. Сидели, разговаривали. Могли даже за пивом сбегать. Михаил Николаевич любил приглашать нас домой. Мы собирались возле Стелы, на тогдашнем проспекте Машерова. Собирались со своими кассетами, пробами, сценариями — и все думали, что сейчас Михаил Николаевич даст прикурить, разбирая. Думали, кто будет первым показывать. «Денис, у тебя все готово? Или у Макса? Значит, с тебя начинаем, чтобы сгладить обстановку, а потом мы». Все равно получалось не так. Михаил Николаевич всегда действовал от противного. И нас так учил поступать: делать не то, что от тебя ждут. И вот мы приходили к нему домой. Он накрывал стол. Дядя Миша очень здорово умел накрыть стол: организовать, купить, приготовить. Я думаю, что он это делал в какой-то тайне от Лилии Михайловны. Он ее побаивался. И очень любил. При ее появлении снимал маску жесткого режиссера и становился влюбленным парнем. «Мы тут понемножку с ребятами». Конечно, мы это понимали, но дома у него частенько засиживались. Очень много было разговоров, обсуждений.

После гибели Михаила Николаевича курс находился в катастрофическом положении: ходили слухи, что нас могут расформировать, перекинуть на театральные профессии. Больше всего мы боялись, что к нам придет другой мастер. Собственно говоря, всех белорусских мастеров по пальцам можно пересчитать. Нам назначили Вячеслава Никифорова. Мы были против. Написали заявление, и меня с петицией отправили к Никифорову. Он тогда снимал фильм «На безымянной высоте». Я пришел к нему: «Вячеслав Александрович, мы не хотим, чтобы нас переучивали». А через неделю он утвердил меня на одну из главных ролей в фильме «На безымянной высоте». На занятия к Никифорову я так ни разу

Михаил Пташук на съемках своего последнего фильма

и не пришел, остался верен этому нашему заявлению. Никифоровскую школу я прошел непосредственно на площадке. Не скажешь, что она легкая, но у каждого человека есть чему поучиться, тем более у режиссера старой школы. И Вячеслав Никифоров тоже сыграл знаковую роль в моей судьбе.

А вообще, что-то из того, что Михаил Николаевич говорил тогда, ты понимаешь только сейчас. И то, что заложил в нас дядя Миша — это, как замедленная бомба. Я всегда говорил своим однокурсникам — мы в Беларуси как стратегическое сырье. Заряд, который будет взрываться, и взрываться, и взрываться. Про это нельзя забыть. Потому что самое главное, чему он нас научил — это требовательность к себе. Я знаю, за какие недостатки он отругал бы меня, например, в моем фильме «Чаклун и Румба». Так устроен мир, что всегда ты идешь на компромисс. Потому что ты приезжаешь на съемочную площадку, а у тебя того нет, того нет, того нет. Вот я приезжаю однажды, а у меня декорацию сожгли. На государственной киностудии... Как я уже говорил, Михаил Николаевич не умел идти на компромиссы. Я стараюсь быть на площадке таким же, как и он. Иногда это очень тяжело. Потому что у каждого свой характер, и приходится порой как-то некрасиво поступать. Ему удавалось быть на съемочной площадке и своим, и недоступным. Я пока так не могу.

Нужно быть честным с собой. Именно из этого рождается мастер, который испытывает недовольство собой. А это первая ступень к Богу. Если каждый из нас будет недоволен собой (хоккеист, журналист, режиссер — не важно), тогда все будет хорошо. Мы должны любить то, чем мы занимаемся. Но любить — это не значит носить плащ и шляпу с полями: я режиссер. Это очень трудная профессия. Нужно затратиться. И я знаю, как Михаил Николаевич любил эту профессию. Он был безумно счастлив от того, что занимается кино. Его любимое слово было: «Мотор!»

Евгений СЕТЬКО. Монолог о маленькой кинематографической коммуне

Я впервые увидел Михаила Николаевича по телевизору (он давал интервью) и понял, что это очень толковый человек, человек дела, классный режиссер. Он мне очень понравился, поэтому еще до поступления я взял свой сценарий и поехал к нему. Пташук, конечно, удивился. Взял почитать сценарий, позже вернул и сказал: «Слабовато» (у нас сначала мания величия у всех была, мы писали кинопоэмы, а он учил нас писать сценарий для маленькой короткометражки: чтобы человек зашел одним, а вышел другим). Потом Михаил Николаевич сказал, что даст возможность поступить. Не «тебя возьмут», а «будешь поступать на общих основаниях». Но, естественно, после собеседований он помогал, если видел, что человек талантливый. Были, например, тайные слова в начале сочинения. У меня парольного слова не было. Но потом на курсе все про них рассказывали. А у меня не было, но я тоже говорил: «Да-да, у меня было тайное слово в сочинении».

На первых порах Михаил Николаевич был диктатором. И одновременно заботливым отцом. И профессиональным режиссером. И профессиональным педагогом. Все эти качества в нем сочетались. У него было огромное желание учить. К каждому нашему академическому занятию по режиссуре прибавлялось еще чуть ли не десять часов. Мы приходили утром, а уходили вечером. И все это время было посвящено режиссуре. Но не только — еще и определенной школе жизни. Потому что нужно было подготовить студента к тому, что он не сразу попадет в профессию, что его проекты будут отклоняться (это сейчас и происходит). Он стремился не только научить профессии, но и научить жизни. Сейчас этот опыт очень сильно помогает.

Наш первый год был очень тяжелый. Особенно мучались со второй короткометражкой. Михаил Николаевич дал нам задание снять короткометражку на основе сценария известного советского фильма. Потом, кстати, он озвучил эту идею во ВГИКе, и там такой способ обучения поддержали. А на примере нашей первой работы он каждого где-то за два часа научил монтажу. Как ему это удалось? В учебных планах семестры отводят на занятия по этой теме. А тут за два часа и на всю жизнь. Может, гипноз какой-то? (*смеется*). Мы за время учебы сняли четыре фильма (обычно долго сидят на теории и снимают один). Пташук в первые дни занятий сказал: «Я вас бросаю как котят в омут: кто выплывет — тот будет режиссером, а кто нет — значит, не судьба». На курсе у нас, действительно, со временем ряды поредели.

С третьего курса мы серьезно разговаривали о национальном кино. Но это я сейчас уверен в том, что мы должны национальное кино снимать, а тогда Михаил Николаевич настаивал. Я помню его историю про какой-то европейский фестиваль. Он повез свою картину, предварительно оформив все документы, а когда приехал, то увидел, что страну производства указали «Россия», хотя он писал: «Беларусь». Потому что фильм был на русском языке. Его это сильно задело... В принципе, каждый кинематограф не только интернационален, но и национален. Мы можем быть интересны миру, только когда снимаем национальное кино. Это не то кино, где в народных костюмах пляшут и по-белорусски разговаривают. Кстати, это очень большая проблема: определение национального кино в нашей стране. Я уверен, что не все люди понимают, что это такое. Национальное кино — это кино, которое идентифицирует народ для самого себя и для всего мира, которое объединяет народ. Вот если есть эти факторы, тогда это национальное кино.

Мы жили большой семьей или такой маленькой кинематографической коммуной. В ней были свои определенные законы. Нужно было быть откровенным во всем. Мы все вместе обсуждали какие-то работы. Мы решали какие-то семейные проблемы. Михаил Николаевич давал нам советы. Очень любил, когда на определенном этапе работы с фильмом мы давали ему советы, рассказывали, что

нам нравится, что не нравится. Он ведь тоже в некоторых вещах сомневался, и для него очень важным было мнение другого. Михаил Николаевич это не скрывал и пытался привить нам любовь к чужому мнению, чтобы мы не были самовлюбленными и полностью уверенными в себе, потому что кино ориентируется на зрителя, а он очень разный.

И самый главный закон был: отвечать на вопрос «Что нового?» Вот мы пришли на занятие, Михаил Николаевич спрашивает у каждого: «Что нового?» А мы вчера работали над сценарием. Ночь прошла. Что у нас может быть нового? Мы сначала не понимали, чего он от нас хочет, какого нового. Потом поняли, что каждый день нужно делать новый шаг, получать какую-то информацию, обнаруживать новые вопросы, чтобы задать их учителю. И случались такие дни, что мы не шли на занятия, потому что не было ничего нового, и поэтому было стыдно. И взрослые дядьки, почти все с первым высшим образованием, не шли, потому что ничего нового не было. Сначала не понимали: откуда это новое взять? Вроде же смонтировали вчера. А потом поняли, что есть, например, второй вариант монтажа. Поиски нового подстегивали. Столько энергии было!

Меня в нем радовала его огромная энергия, преданность кино. И радовало то, что я попал именно к нему. Если бы сейчас можно было поступать, я бы не поступал. Я не вижу, у кого в Беларуси можно научиться режиссуре.

Михаил Николаевич даже маленьким нашим успехам всегда радовался. Гордился нами. И еще была в нем удивительная черта: он радовался фильму, который снял кто-то другой. В нем не было зависти. Радовался, как ребенок. Приходил, показывал австралийские, американские фильмы, радовался отечественным. Он жил без зависти, по законам профессии. Все служат одному и тому же Богу, и если кто-то сделал хорошее кино, значит, он следовал законам, значит, у него получилось. Он и нас так воспитывал.

Наш курс — это курс единомышленников, т. к. мы думаем одинаково. И если мне дают, например, сценарий почитать, я часто вижу, что он написан не так, как нас учили. Многим сценаристам я говорю (даже если просто плохо написано): меня учили по-другому. При таком вложении, таком обучении невозможно снимать по такому сценарию. И если бы человек учился в такой же мастерской, только сценарной, он бы такое не написал...

Больше всего мне запомнилась фраза Михаила Николаевича о том, что если ты все правильно делаешь, то фильм идет легко. А если тебе тяжело и ты ломаешь голову, рвешь на себе волосы — значит, что-то идет неправильно.

Каждый год, когда мы с ребятами собираемся, мы обсуждаем одну тему: он всегда был прав. Вот как человек всегда может быть прав? Кто-то делал наперекор его советам, кто-то соглашался, но Пташук всегда оказывался прав. Не было ни одной ситуации (профессиональной, личной), где он был бы неправ. Как ему это удавалось?

Когда он ушел, у меня было такое ощущение, что такие люди рождаются раз в сто лет. Космический человек. И обучение было какое-то космическое. Мне никто не верил, когда я рассказывал, как проходят наши занятия. Даже жена. Михаил Николаевич потратил на нас столько сил, времени, нервов... Я думаю, что пройдет немного времени, и мы его надежды оправдаем.

Максим СУББОТИН. Монолог о судьбоносной встрече

В жизни каждого человека случаются судьбоносные встречи. Для меня такой стала встреча с Михаилом Николаевичем Пташуком. Я заканчивал второй курс режиссуры телевидения в Белорусской государственной академии искусств, когда к нам на экзамен пришел Михаил Николаевич. Он тогда набрал

своих первокурсников — режиссеров игрового кино. А нам, телевизионщикам, предстояло показывать видеофильмы на экзамене по дисциплине «Работа с актером». Я был уверен в своей работе: полгода корпел над короткометражкой, которая получилась весьма кинематографичной, но когда увидел Пташука в первом ряду — коленки затряслись. Дальше произошло то, что было куда важнее «пятерки» по предмету: ко мне подошел мой мастер Владимир Павлович Забелло и передал предложение Пташука перейти к нему на курс. Я был крайне удивлен. Появилась возможность учиться на бюджете, вернуться снова на первый курс, но главное — учиться у легендарного режиссера! Для размышлений у меня были сутки. Уже на следующий день мы созвонились и через тридцать минут встретились в сквере у Купаловского театра. Огромный человек подошел ко мне, девятнадцатилетнему парнишке, деловито пожал руку: «Ну, рассказывай, какие есть идеи?» Мне предстоял один из самых важных и сложных экзаменов в жизни. Мы говорили около полутора часов. О кино. О темах, которые волнуют. О родителях. Обо всем. Мы прошли кругов 30 по скверу. Попрошался Михаил Николаевич словами: «Жду после каникул у себя на курсе со сценарием». И растворился в городе. Вот так я попал на курс к мастеру. Повезло вдвойне с учетом того, что на тот момент, последний набор на режиссуру кино был семь лет назад.

А дальше... Два года учебы пролетели как один день! Я впитывал все, что говорил дядя Миша (так мы звали его с однокурсниками). Меня он называл не иначе как Максимушкой. Но был одинаково строг со всеми. Курс стал семьей. Интересно, что Пташук настолько держал всех в рабочем тоне, что до внутренней конкуренции на курсе дело не доходило. Он сам распределил жанры среди семерых студентов и спрашивал с каждого, требуя полной отдачи. Я на курсе был «Тарковским». Но Пташук своей харизмой привил мне любовь к более доступным игровым жанрам. Меня всегда вдохновлял масштаб его личности. Темы, за которые он брался. Люди, с которыми он общался. Все было мощно и значительно. Пташук не из тех, кто робел перед трудностями. У него хотелось учиться и перенимать все лучшие качества: и человеческие, и профессиональные. Я сейчас закончил проект в Москве. В главной роли снимался Владимир Меньшов. На второй или третий день съемок он поинтересовался у меня, где и у кого я учился. Как же был приятен его ответ в стиле: «Ну, теперь все понятно! Чувствуется! Мы с Мишей дружили!» Я подарил ему книгу о Михаиле Николаевиче.

В памяти всплывают отдельные эпизоды из тех ярких и безумно интересных двух лет. Два года наших занятий. Два года до его трагической гибели.... Он, словно, чувствовал. Спешил. Отменял общеобразовательные предметы и собирал студентов в аудитории либо у себя дома. Мы без конца смотрели и обсуждали работы однокурсников. Прямо. Жестко. Не выбирая выражений. Никаких индивидуальных занятий. Все вместе переживали взлеты и падения. Он часто делился своими соображениями по поводу собственных проектов и сценариев. Его любимым словом было «грандиозно». Это касалось и актеров, и сценариев, и бюджетов, и впечатлений от Голливуда. Ему там очень понравилось. «Учите английский, ребята! Всех туда заберу», — говорил он.

Думаю, мы все хорошо запомнили последнее занятие. Неожиданно пришел фотограф и попросил сделать общий снимок для газеты, ставший последним фотоснимком Михаила Николаевича... На следующий день Пташука не станет. На занятии в основном говорили о моей работе: я почти закончил монтаж короткометражной картины «О пропавших без вести». Снова и снова мы пересматривали ее по просьбе Пташука. «Максимушка, сделай, как я тебе говорю, и будет классная картина», — сказал он на прощание и ушел. Навсегда.

В жизни каждого человека случаются судьбоносные встречи... Навещаю его на кладбище всякий раз, когда проезжаю мимо. Нам есть о чем поговорить...

Людмила ДУБРОВСКАЯ. Монолог о курсе, который положили на полку

Для меня самой загадка, как я оказалась на этом курсе. Закончила БГУИР, потом — аспирантуру и в тот год, когда поступала к Пташуку, я должна была защищаться. У меня была почти готова кандидатская. Я даже не представляла, что буду учиться режиссуре вместо того, чтобы защищать кандидатскую по электрохимии.

Я думаю, что все-таки есть Бог, провидение, судьба — не знаю... Но что-то есть такое, что нас направляет в определенный момент, главное это услышать. Я помню этот день. Это был первый день после академического отпуска (у меня родилась вторая дочь), я вернулась в свой любимый радиотехнический институт продолжить работу над диссертацией. Пришла — и увидела, что все очень грустно и бесперспективно (это были сложные годы для страны и для науки). И поняла, что не могу одна изменить это, мне придется встраиваться в эту систему. И вот в таком шоковом состоянии я просто шла от университета к троллейбусной остановке возле Академии искусств. Какая сила заставила меня зайти в Академию — до сих пор не знаю, но это было что-то мистическое. Я помню, как раскадровкой, и погоду, и людей, которые шли мимо, и дверную ручку Академии, и декана Владимира Андреевича Мищанчука, которого я встретила на театральном факультете, и как долго он мне рассказывал, где проходят консультации, а потом выяснилось, что это совсем недалеко от моего дома. Но еще большим удивлением было то, что предыдущий набор на режиссуру кино, набор Турова, был семь лет назад. Сейчас набирал Пташук. Про следующий набор вообще ничего не известно! Я, закончив БГУИР, где у нас на потоке училось больше 100 человек, и набор был каждый год плановым и массовым, не предполагала, что бывают специальности, где обучение специалистов может зависеть от одного человека — мастера курса, а на курсе может учиться всего 7 человек.

На консультации узнала, что нужно для поступления: новеллы-киносценарии. До этого я не писала и не снимала. Стала писать первые работы по наитию: как чувствовала. И они получались большие, подробные... Волнительно было давать их читать Пташуку: там было много личного, как у каждого начинающего автора. А самым большим комплиментом стал вопрос Михаила Николаевича по поводу второй или третьей новеллы. Он прочитал, долго на меня смотрел, а потом спросил: «Ты сама это написала?» И я поняла, что это комплимент! В текст было вложено много пережитого и прочувствованного: описания людей, событий, пережитые эмоции, впечатления, принятые решения и вынесенные уроки — это, видимо, его затронуло.

Дальше было поступление, про которое я никому не говорила. Знал только муж. А, вот еще что! Михаил Николаевич на собеседовании сказал: «У тебя есть дети, есть муж. Без его согласия на курс не возьму». Пташук спросил: «Поддерживает муж?» Ну, конечно, поддерживает. «Вот пока он не придет и не скажет мне, что согласен, не могу тебя взять». И муж пришел и сказал, что он согласен, что возьмет на себя заботу о детях. Михаил Николаевич ему тогда сказал: «Ты понимаешь, куда идет твоя жена? Ты ее не будешь видеть целыми днями — она с утра до вечера будет занята. Ты отдаешь себе отчет в этом?» Муж не испугался: «Пока учеба — это понятно, но дальше ж будет проще...» Михаил Николаевич ответил: «Профессия достаточно сложная — кто знает, как дальше повернется». Он был прав: профессия непредсказуемая. Я раньше думала, что режиссер — это независимая профессия. И это было для меня самым привлекательным. А на самом деле оказалось — зависимая, причем от многого и многих. Это одна из иллюзий, которая разбилась для меня недавно... В общем, муж согласился, но после первого года моей учебы понял, что зря это сделал, потому что занимались мы, действительно, с утра до вечера. После первого курса я решила уехать в Москву на

Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Но перед этим взяла у Михаила Николаевича что-то вроде благословения (он тоже заканчивал эти курсы). Если бы он не одобрил мое решение, я бы, скорее всего, не поехала никуда. Для меня было важно быстрее заняться делом, потому что пять лет муж бы не выдержал. А там учиться после первого высшего образования нужно было всего два года. Михаил Николаевич благословил и отпустил. Дальше была учеба на курсе у Петра Тодоровского. Тоже очень интересное время. Но пришлось вернуться через полтора года. По семейным обстоятельствам... Что дальше делать? Я пошла восстанавливаться на свой курс к Пташуку: возьмет — не возьмет? Он посмотрел работу, которую я снимала в Москве, и сказал: «Ну, ладно, возвращайся».

Теперь я понимаю, что Академия была для нас теплым и уютным инкубатором. И, в первую очередь, Пташук, как птица своими крыльями, защищал нас от всего. Направлял, подсказывал, объяснял, что стоит того, чтобы тратить на это свою жизнь, а что не стоит. Третий курс у нас был странным, мистически странным. Мы занимались режиссурой с утра до вечера, особенно в последние недели перед его гибелью. Это объяснить невозможно. И не было видимых причин для такой гонки, спешки. Он снимал нас со всех занятий, даже с мастерства актера. А это предмет, который нельзя было пропускать. И, тем не менее, — факт. Мы все дни до его отъезда занимались специальностью: учились быть режиссерами. Даже в тот день, когда он уезжал в Москву, я его подвозила после занятий на своей машине домой, потому что ему нужно было успеть собраться на поезд. До такой степени: ни часа, ни получаса времени не терять. Не знаю, чувствовал он что-то или нет. Как это устроено в жизни? Чувствует ли человек, что ему не так много осталось? Не знаю...

Когда он погиб мы, конечно, не верили. Вообще не верили. И когда нам звонили и что-то говорили (наверное, это защитная реакция. Мы его не просто уважали, мы его любили), то все казалось нереальным. Человек такой силы, такой энергетики, такой мудрости не может так просто уйти! Тем более, на таком мощном взлете, как был у него: проекты в Голливуде, большой проект в России... В то, что все может оборваться, никак не верилось.

Мы сидели, смотрели «Нику». Михаил Николаевич должен был быть там на вручении. Его «В августе 44-го...» претендовал на награды в шести номинациях. Мы собрались у Дениса Скворцова дома, смотрели прямую трансляцию. Мы ожидали увидеть его в зале. Думали, что дошедшие до нас слухи — это все неправда, глупая шутка. На церемонии вручения актер Владислав Галкин получил «Нику» за лучшую мужскую роль второго плана и ничего не сказал о режиссере. То, что не поблагодарил, — ерунда! Я даже не думала, что в такой ситуации человек может ничего не сказать о только что погибшем режиссере, которому он обязан своим успехом, да и просто по-человечески... И мы тогда сделали другой вывод: значит, жив! Но звукорежиссер Игорь Майров, получив «Нику» за фильм, едва скрывая слезы, попросил зал встать и почтить память Михаила Николаевича минутой молчания. Тогда мы все поняли... Потом дни были какие-то смутные. Мы его ждали, встречали из Москвы. Ночь в храме, где его отпевали... Как будто не с нами все было. Тяжело вспоминать...

Мы остались сиротами: непонятно было, кто нас будет доводить, как мы будем заканчивать. Такие травмированные подростки — никого не хотели видеть на его месте. Выступали. Спасибо Вячеславу Никифорову за то, что он нас довел, что спокойно терпел наши выкрутасы, и мы закончили Академию: очень реальной перспективой было расформирование курса.

Я Михаила Николаевича вспоминаю веселым... и мудрым... и добрым. Вообще, он был очень многогранным, гармоничным. В нем сочетались, наверное, все самые лучшие качества, которые есть в человеке. Я не приукрашаю вследствие того, что мы его потеряли. Я помню и какие-то неидеальные моменты, но, тем не менее, они для меня прекрасны.

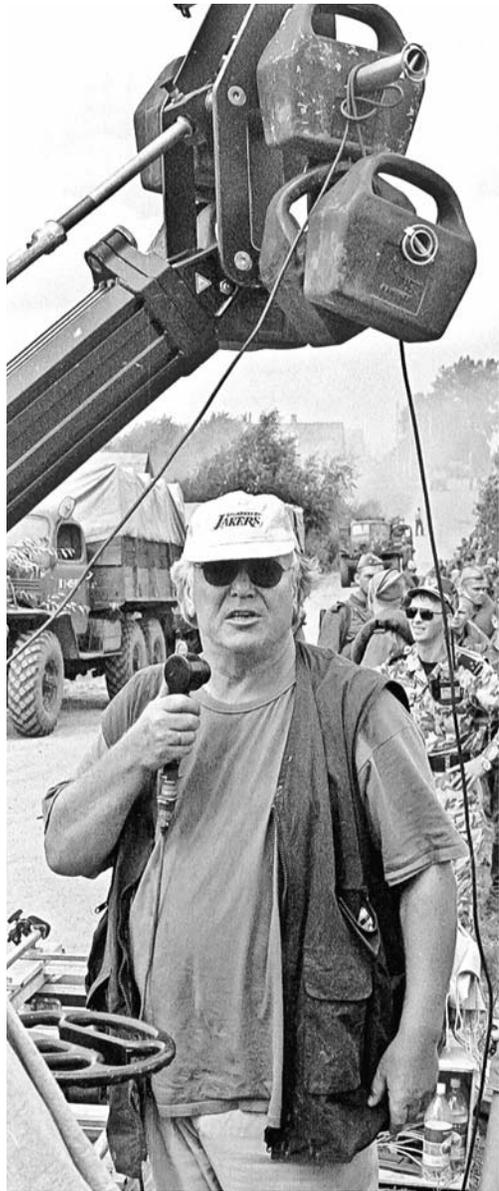
Он был верующий человек. Не на публику, нет, он был внутренне глубоко верующий. И нам он тоже это передавал, но не в лоб, а исподволь: объяснял, почему хороший режиссер никогда не возьмется делать определенную идею, говорил о том, что надо нести в мир светлые идеалы и темы. Вот это я для себя вынесла. Я про это думаю, когда решаю браться за какой-то проект или не браться. Иногда понимаю: дядя Миша бы не одобрил. Не могу согласиться на какие-то вещи. Нажила себе врагов... Но это жизнь. Согнешься, покривишь душой — и все, уже не сможешь себя считать независимым режиссером со своими идеями и принципами...

Атмосфера на курсе была невероятная. Это была не группа, а скорее мини-семья. Можно сказать, жили вместе, только спать расходились по домам. Все на виду, мы все друг о друге знали. Режиссура — это такая вещь, которая проявляет то, что с человеком происходит, что он переживает. Естественно, художник влетает свой опыт в свои работы. И мы чувствовали друг друга, и обменивались этим опытом. И сейчас еще чувствуем. Мы встречаемся каждый год в его день рождения и в день гибели. Ходим к нему на кладбище, вспоминаем, делимся новостями. Я считаю, что мне и ребятам повезло, что дядя Миша выбрал именно нас, и мы попали на курс.

Он учил жить и быть Режиссером с большой буквы. Понимать, что режиссер — это не профессия, это образ жизни. Это характер, это личность. Он заложил уважительное отношение к профессии и поднял планку для нас. Это позволяет не падать, не опускаться до чего-то недостойного.

Михаил Николаевич был совершенно неформальный педагог, очень открытый человек. На первом курсе мы пришли поздравить дядю Мишу с днем рождения (мы потом его всегда поздравляли). Он нас напоил, накормил. Сидели, разговаривали, по чуть-чуть выпивали, смотрели какие-то наши работы. Потом пришла Лилия Михайловна, разогнала нас. И мы пошли в универсам «Юбилейный», чтобы купить чего-нибудь и еще вместе посидеть — нормальная студенческая жизнь. И вот пока мы ходили по магазину, туда зашел дядя Миша: «Как!? Вам не хватило!? Идем со мной!» Он загасил нас в кафетерий, и мы там сидели еще часа два, пока магазин не закрылся. А Лилия Михайловна отправила его за хлебом... Запоминаются такие моменты.

Или вот на его последнем «Лістападзе», когда Михаил Николаевич вышел на сцену (ему вручали какой-то приз) и сказал: «Что-то на этой сцене слишком много россиян... Почему нет белорусов?» Это потом вырезали из эфира...

*Михаил Пташук на съемках фильма
«В августе 44-го...»*

Помню, как он нас привел на церемонию закрытия. Естественно, нам никто не давал приглашений, нас, как всегда, не существовало. Он нас привел, посадил, но до того как посадить, он нас провел по всему холлу и очень ярко познакомил с теми, с кем считал нужным познакомиться. И представлял он всех тоже неформально. Мог сказать, не стесняясь, что кто-то хитрец или лжец. Он прямо это говорил, не за спиной. Естественно, такое качество не добавляло ему друзей. Но меня оно восхищало. Может, это неправильно. Но мне кажется, не нужно большой смелости для того, чтобы говорить за спиной какие-то гадости, а попробуй сказать в лицо... Это тоже были определенные уроки, но, скорее, не режиссуры, а жизни.

Дядя Миша никогда не читал нам морали, не говорил: делайте так, не делайте эдак. Он сам был примером. На съемочной площадке — как он ставил задачу, актерам, оператору, художнику; никогда ничего не упускал. Михаил Николаевич всегда четко понимал, чего он хочет. Он точно знал, например, к чему он нас ведет. Мы начали снимать на первом курсе. В сентябре поступили — в декабре уже начали снимать. Конечно, это супер-идея, его идея: сразу же пускать в съемки. В Москве, например, традиционная система образования. Она построена на том, что студенты долго сидят на теории, потом делают какие-то маленькие этюды, и только потом снимают короткометражку, в лучшем случае к пятому курсу. У Пташука все было наоборот. Мы сразу снимали. А когда ты снимаешь — получаешь гигантский опыт, узнаешь процесс изнутри. Материал, конечно, был такой, что я удивляюсь, как у Михаила Николаевича хватало терпения и мудрости, чтобы его с нами разбирать. Он чувствовал каждого, понимал какие у кого плюсы, минусы, кого куда направлять. Каждого направлял в свою область. Как он собрал нас таких разных? Мы же друг другу тоже много чего давали: у каждого свое отношение к жизни и происходит естественный взаимообмен. Я считаю, что наш курс — это очередной его проект. Яркий, замечательный, состоявшийся проект. Другой вопрос, как дела обстоят сейчас. Можно снять замечательный фильм, но он будет лежать на полке, потому что его не хотят показывать те, кто владеет этим фильмом, так сказать, у власти. Точно так же и наш курс: был замечательный курс, выпускаясь, мы наделали столько шума своими дипломными работами, все так восхищались, а дальше — нас положили на полку. Иногда, конечно, кого-то «показывали», но... Это уже не проблема курса Пташука, из которого вышло семь профессиональных классных режиссеров. А то, что им не позволяют реализоваться, навязывают какие-то проекты, которые не позволяют раскрыться, — это проблема белорусской кинематографической администрации.

Восемь лет уже как закончили. И сначала нам очень много обещали. Потом ничего не сбывалось. Чаще всего думается, что если бы Михаил Николаевич остался жив, все было бы по-другому. Есть незаменимые люди. Михаил Николаевич — это человек незаменимый и то, что потеряла наша страна с его уходом, мы понимаем и видим сегодня, но спустя годы еще больше, еще острее будем ощущать масштаб потери. С его уходом закончился белорусский кинематограф. Я не знаю: есть ли будущее у белорусского кино? Но сейчас кинематографа по большому счету нет. Есть услуги, есть отдельные работы, сериалы какие-то. Но кино нет. С Пташуком наша страна могла бы получить огромную известность как развитая кинематографическая держава, был бы совершенно другой уровень отношения к нам, к стране... Видимо, Господь решил, что такие люди нужны на небесах больше, чем на земле. А на земле пока есть мы, его курс кинорежиссеров, и мы «лежим на полке»...

Фото Александра ДМИТРИЕВА.